

Павел Парфин

Сувенир для бога

Павел Парфин
Сувенир для бога

«Автор»

2014

Парфин П.

Сувенир для бога / П. Парфин — «Автор», 2014

Книга Павла Парфина «Сувенир для бога» – путешествие по перпендикулярным мирам. История эта, случившаяся в начале 2000-х, начинается с хлопот для главного героя – молодого рекламиста Вальки Дьяченко. Его заказчик по прозвищу Хек, решивший заняться поставками сувенирной продукции, задает Дьяченко, казалось бы, риторический вопрос: зачем нужны сувениры. При этом традиционные способы применения Хека не интересуют. Ломающему голову Дьяченко попадает на глаза оригинальный сувенир – бронзовая фигурка единорога. Юноша незаметно прихватывает миниатюрную статуэтку с собой. Возвращаясь от заказчика, Дьяченко переходит перекресток, его едва не сбивает машина, и... Валька неожиданно попадает не то в другое время, не то в другое измерение. Черный всадник берет его в плен, после коротких, но опасных мытарств по степи Дьяченко оказывается в расположении племени воков – суровых воинов, поклоняющихся богу солнца Хорсу. К ужасу своему юноша узнает, что его готовятся принести в жертву... единорогу. А виной тому нежданно-негаданно стал сувенир – бронзовая фигурка единорога, найденная у пленника и принятая воками за знак свыше. Дьяченко бросают в клетку с реальным, живым единорогом, тот ранит пленника, и... Валька оказывается в новом измерении. На берегу моря Юфилодор он знакомится с мудрым ментором Любомиром, его прекрасной дочерью Амелиской и верными подданными Любомира – оленеголовыми отроками. Отроки здесь для того, чтобы обменивать жертвоприношения воков на души их соплеменников. В этом – священная миссия отроков, возложенная на них Богом. Души поставляют отрокам демоны – крысopodobные хлопы. Они обитают в таинственной бездне Юфилодора. Дьяченко становится очевидцем того, как хлопы появляются из морской пучины на необыкновенном подводном судне – тране, в трюмах которого томятся живые души. Коварные хлопы похищают юную Амелиску и возвращаются с ней в Юфилодор. Дьяченко, не задумываясь, бросается спасти девушку. Судьба забрасывает героя в третий мир, который неожиданно оказывается адом. У ада есть имя, такое

же, как море, омывающее его снаружи, – Юфилодор. Его населяют демоны хлопы, их повелителя зовут Виорах. В Юфилодоре Дьяченко сталкивается с пленными душами, страдает оттого, что не в силах им помочь. К радости своей юноша встречает прекрасную Амелиску, взятую в полон хлопами. Между молодым человеком и девушкой вспыхивает пламенное чувство... Путь Вальки Дьяченко продолжается. На его глазах владыка ада руководит грозным таинством – превращает жертвоприношения, выменянные у отроков, в новых человеческих богов. Но случается непредвиденное: из сувенирного бронзового единорога рождается демон, наделенный свирепым нравом и чудовищной силой. Новое божество, получившее имя Оззо, стремится повергнуть самого дьявола – царя хлопов Виораха. Невольно человек становится защитником властелина Юфилодора, присоединяется к разноликой армии спасателей душ, отважно сражающейся с богами-демонами. Защищаясь от неукротимого Оззо, Дьяченко вынужден отступить к Звену – огненной реке, по которой спасенные души возвращаются в родные миры – живые миры людей... В конце концов, победив демона-единорога Оззо, с честью пройдя все испытания, выпавшие на его долю, Дьяченко тоже возвращается в свой мир – в родной город, на знакомый перекресток, где началось его удивительное приключение.

© Парфин П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	15
5	18
6	21
7	24
8	26
9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Павел Парфин

Сувенир для бога

1

– Ну, пока! – рыжеволосая Машка сделала Дьяченко ручкой и прошмыгнула мимо. Хотя и не просто это было – проскочить мимо. Потупив свеженакрашенные очи, как бы невзначай вдохнув мужского духа. Сексуален и чертовски красив Валька Дьяченко.

– Пока что? – машинально уточнил он. С озабоченным видом Дьяченко застрял на пороге.

– Ха-ха-ха, совсем заработался! – Машка на миг обернулась. – Говорю: пока, задумчивый! И чей ты такой задумчивый?

И продефилировала дальше. В меру цокая, в меру виляя, в меру в обтяжку, в меру короткая, в меру дразня. Конец рабочего дня как-никак.

Смотря для кого. Для рыжей секретарши Машки – да, а для Дьяченко...

Яйца времени.

Клоны соблазнов.

Осколки Атлантиды...

Валька морщил лоб, скреб в задумчивости затылок, но так и не смог придумать ничего путного. А заказчик, выйдя из туалета, продолжал наседать с еще большим пылом. Будто он ходил в туалет не освобождаться, а заряжаться.

– Так на кой хрен мне эта сувенирка? – допытывался Хек, хитро щуря маленькие, заплывшие жиром глазки. Неторопливым, хозяйским взором он прошелся по своему просторному офису и для убедительности развел руками. Повсюду громоздились раскупоренные, раскуроченные коробки, набитые всякой всячиной: шариковыми ручками, брелоками, записными книжками, открывалками для бутылок, зажигалками, чашками, подставками для бумаги, красно-белыми флажками и даже подозрными трубами и дорогими на вид, но неудобными винными наборами. Дьяченко, несколько ошалелым взглядом глядя на все эти сокровища, лихо-радожно соображал. Сейчас ему требовалось совершить открытие: додуматься, зачем людям нужны такие бесполезные вещи, как сувениры. Казалось, уже весь мир давно об этом знал, кроме него, Вальки Дьяченко.

Ремики счастья.

Уловки бога.

Недостающая деталь сознания...

Он наклонился над коробкой и вынул первую попавшуюся вещицу – желто-голубую авто-ручку.

– Ну, здесь можно напечатать логотип вашей фирмы, – неуверенно промямлил Дьяченко и совсем уж потухшим голосом добавил: – Адрес и телефон.

– А на фиг? – упрямо гнул свое Хек.

– Ну, чтобы вас запомнили.

– Ага, и в случае пожара на мобильный позвонили. Еще версии есть?

Дьяченко в растерянности пожал плечами.

– Не знаю, зачем же еще? Можно, конечно, и так пользоваться. Календарик там перекидной, часы настенные, подставка для бумаги и карандашей – всегда к месту. А если на них еще и название фирмы нанести трафаретной печатью, телефоны, имэйл, – по второму кругу начал Дьяченко, но Хек с раздражением перебил: – Было! Все это уже было! Пацаны вокруг по горло сыты этой ерундой!.. К тому же, ответь, кому нужны название фирмы и ее дребанные телефоны?.. Только самой фирме! А вдруг клиента воротит от нее? Что, если клиент еще на заре капитализма кинул ее? Или наоборот – фирма задолжала клиенту? Что тогда, а?.. Ну-ка, дай сюда трубку.

Дьяченко протянул подзорную трубу пока еще с девственным, не отмеченным никакими рекламными письменами корпусом.

– Вот презентуешь ты эту трубку, – Хек помахал трубкой перед носом Дьяченко. – И что? На кой хрен она клиенту?

– Так ведь дармовая труба-то, – вяло сопротивлялся Дьяченко. Ему уже было по барабану, будет он заниматься этим заказом или Хек пошлет его к чертовой матери. Валька повторил. – Что ей в зубы заглядывать, если она дармовая?

– А что ж еще с нею делать?! – с нарочитым удивлением воскликнул Хек. – Только пялиться! На девок где-нибудь на пляже или из окна офиса. Увидел, к примеру, классную телку на улице и тут же звонишь: эй, официант, вон ту бабу мне к обеду! А когда приволокут ее, обалдевшую, трусы стащишь с нее и вместо члена эту же трубу ей в задницу вставишь, чтобы сравнить, черт подери, чем ее жопа от других отличается! Как ты думаешь, в ней есть что-нибудь особенное?

– А я почему знаю! – вспыхнув, покраснел Дьяченко. – Я ничьи задницы в бинокль не рассматривал.

– Да что ты все буквально! Вот тормоз! – в сердцах рявкнул Хек. – Вруби свой черепок, пусть в нем мозги твои никудышные перемешаются, как шары в лотерейном барабане. Авось счастливый выпадет... Ну ты же рекламист, Валек! Где твое хваленое во-о-бра-же-ние?

– Да ничем она не отличается! – огрызнулся Дьяченко. – Жопа она и есть жопа.

– Вот, – удовлетворенно хмыкнул Хек, – сувенирка, будь она сотни раз такая-растакая, ничем друг от дружки не отличается. Опостылела всем, понял! Как верная баба, надоела: не подведет никогда, услужит в любую минуту... так, что и не заметишь. Уразумел: не заметишь! А мне надо, чтоб замечали. Даже такую фигню, как эта, в которой нет ни смысла, ни пользы!

– Зато есть шарм, – зачем-то заступился за сувениры всего мира Дьяченко.

– Не смеши! О каком шарме ты хочешь втереть мне!

Подойдя к шкафу, Хек взял с полки небольшую, с две трети ладони фигурку цвета коньяка «Шустов». Коньяка на донышке оставалось в стоявшей рядом рюмке. Дьяченко глянул на фигурку: «Конь что ли? А на морде что? Вроде как рог...»

– Вот, кому нужна такая чушь, а? Я даже врубиться не могу, что она значит. Мерин с рогом, а? Но раз я решил заняться этой темой, изволь, Валентин, напрячь мозги, поработай-ка головой... или членом – вдруг тебя какая баба вдохновит на правильный ответ. А хошь – возьми Машку, но чтоб завтра... нет, сегодня через три часа ты выложил мне все как на духу!.. Ты понял, чего я хочу от тебя?

– Да. Типа: на хрена козе баян, если она летать не может, – буркнул Дьяченко и неожиданно зло пнул ящик с дорожным представительским винным набором.

– Ну-ну, потише, – беззлобно показал зубы Хек и, наклонившись, похлопал рукой по ящику. – В этой картонке, знаешь, сколько кусков зарыто?.. А вообще я рад, что до тебя дошло наконец, как до мерина. Ладно, вали и спеши шевелить мозгами.

Уходя, Дьяченко незаметно, пока Хек задумчивым взглядом переходил от одного ящика к другому, прихватил с собой игрушку – ту странную вещицу, что напоминала коня. К этому времени Хек вернул ее в шкаф. Однако, размышлял Дьяченко, какой же это конь, если это...

единорог. Таинственный герой древних мифов был сделан из меди, вероятней всего, из бронзы. На кончике его рога загадочно светилась крошечная янтарная бусинка. Дьяченко задержал на ней взгляд – казалось, морской камушек излучает едва заметный, прозрачный свет. Интересно, кому пришлось в голову сделать такой сувенир?

«Глядишь, еще на что-нибудь надоумит», – решил Дьяченко, но, уже стоя в дверях, спросил о другом:

– При чем тут мерин, а, Иван Степаныч? Обычно говорят: доходит как до жирафа.

Иван Степаныч, он же Хек, неожиданно разозлился. С чувством плюнул себе под ноги, но попал в левый туфель.

– Да мне плевать, что говорят! Где твой креатив?! Где твоя ин-ди-ви-ду-аль-ность?! Сказал я так, потому что, если ты не принесешь единственный и верный ответ, я вырублю тебя, как мерина... которого ты стащил из шкафа!..

Дьяченко ходил в широкополой фетровой шляпе, красивой, цвета морской волны, с карманчиками, в которых прятал деньги и презервативы. Шляпой своей он очень дорожил. В тот день было ветрено, зябко. Правда, несмотря на начало декабря, уличная пыль по-осеннему бесцеремонно садилась на обувь и трещала на зубах, если вдруг Дьяченко с открытым ртом провожал какую-нибудь случайную красотку. Зато руки мерзли, а тело зябло, как от крепкой стужи.

Валька держал путь к перекрестку, где на одной стороне улицы уживались магазин «секонд хенд», пивной бар «Кэп», булочная «Сумська паляныця» и чебуречная в фургончике без колес, а на другой – ковровые покрытия и шкафы-купе от «Акции-информ» и Ильинская церковь. За метр до перекрестка сильный порыв ветра сорвал шляпу. Она, словно колесо фортуны, покатила-полетела на другую сторону дороги – точно по диагонали, в направлении церкви, красивой и опрятной, подобно прихожанам, которые придут сюда на Рождество. Дьяченко, высоко подбрасывая колени, не обращая внимания на раздраженные гудки клаксонов, рванул вдогонку за шляпой. Точно по диагонали помчался... Увлеченный, он вдруг пропустил косой удар слева – луч света, отразившись от летящего сбоку лобового стекла, впился в самый зрачок.

2

Солнце было похоже на свежий срез ананаса. Остальное Валька видел впервые. Вернее – не видел. «Блин, куда все подевалось? А это еще шо за чучело?! Мент, што ли?»

На обочине дороги, в седых кустах, еще не отошедших от утренней изморози, безмолвно высился черный всадник. На ветру развевалась красная лента, повязанная на правой руке чуть ниже локтя. За его спиной грозно оцетинился колчан со стрелами. Длинное деревянное копьё со стальным наконечником проткнуло грязно-серое брюхо низкого зимнего неба. Бронзово-зеленая трава, пересыпанная, словно солью, зернистым снегом, повсюду тихонько пела и завывала, как натянутая тетива. Или то, может быть, тишина звенела в Валькиных ушах?

С бесстрастной, чуть надменной печатью на челе всадник рассматривал Дьяченко. Казалось, он обнаружил в нем третий глаз и теперь пытается в него заглянуть. Боясь ступить шагу, Дьяченко беспокойно теребил шляпу. Всадник возник перед ним как из-под земли, когда он поднимал шляпу с пыльного асфальта... С асфальта ли? Валька помнил: от бара «Кэп» он побежал как угорелый за шляпой – наискосок к Ильинской церкви. Еще какая-то старушенция криво усмехнулась ему. Потом – бах! – в глазах сверкнуло, тут же потемнело, к горлу подступил внезапный спазм, как после чрезмерно выпитого... И все же откуда взялся этот мужик? Ну и глазища – как у волка! А вокруг никого, будто вымерло все. Целая улица сгинула, куда там – квартал! Пустая степь одна. Господи, как тихо! Вот как, оказывается, сходят с ума... А тот парень хоть бы хны – не шелохнется, сидит, точно кол, на своей мрачной коняке. Вооружен и выглядит очень реально. Сразу видно, чувствует себя здесь как дома. А степь-то какая – не пощадит никого, ни одну случайно заблудшую сюда душу. Господи, кто объяснит, что все это значит?!

На войне был высокий кожаный шлем, черная кольчуга и длинная темно-зеленая юбка. Темно-серый, под стать зимнему утру, жеребец нетерпеливо фыркал под седоком, красная лента угрожающе плескалась на ветру... Внезапно всадник припал к конской гриве и резким движением выбросил вперед руку – в следующий миг веревочная петля обожгла шею Дьяченко. Тот не успел по-настоящему испугаться, как страшный незнакомец притянул его к себе: по ледяной соленой траве, сквозь ломкие седые кусты – к пахнущему потом крупу коня. Одним сильным рывком незнакомец оторвал Дьяченко от земли и посадил позади себя. Конь недовольно переступил с ноги на ногу, почуяв дух чужого человека. Не снимая петли, крепко стиснувшей плечи Дьяченко, незнакомец, все так же молча, связал ему руки, а конец веревки привязал к своему поясу. У Вальки, казалось, одеревенел и язык, и сознание – он ни пискнуть не мог, ни признаться себе, что влип по-крупному.

Незаметно пришпорив коня, черный всадник пустился вскачь.

Степь пыталась перекричать его звонкий бег, сбить с толку, направить на путь иной – все напрасно. До тех пор, пока на горизонте почти в одно время с несимметричными зубцами леса не показались всадники. Выглядывая из-за плеча черного воина, так и не вымолвившего ни слова, Дьяченко насчитал шесть едва очерченных издали силуэтов. Он не знал, радоваться этому или продолжать молить у Бога помощи.

Вдруг, резко натянув поводья, всадник встал как вкопанный. Не готовый к такой остановке, и без того разболтанный бешеной скачкой, Дьяченко не удержался в седле и, падая, невольно прижался к спине своего похитителя. И тотчас почувствовал, какой дрожью охвачено его тело. Кто же так растревожил черного воина? Не иначе как те шестеро, будоражащих степь гортанными выкриками, лихо сокращающих расстояние между ними. Кто они – кровные враги его похитителя или шальные убийцы-кочевники?.. Дьяченко не успел как следует поразмыслить над этим – всадник рывком выдернул из-за спины копьё и, держа его наперевес, пустился галопом навстречу мчавшимся на него ворогам.

Великолепной светло-шоколадной масти кони под чужаками выглядели бойчей и выносливей, нежели жеребец черного воина. Зато сами чужаки были ниже ростом, с неприятными круглыми лицами, густо усеянными рябинами, будто побитыми оспой. Их несоразмерно большие головы были защищены нелепыми плоскими шлемами, смахивавшими на тарелки из барабанной установки. Позади собачьими хвостами телепались толстые косы.

Схватка была неизбежна. Продолжая опираться грудью о спину черного воина, Дьяченко почувствовал, как утихла дрожь, как, налившись новой силой, окаменела спина. Черный воин был готов к неравному бою, взяв в союзницы лишь одинокую волчицу-смерть. Где-то вдали раздался призывный вой. Размахивая кривыми не то саблями, не то мечами, подначивая друг друга, круглолицые набросились на черного всадника. Но тот, изловчившись, первым нанес удар – на полном скаку пробил копьём насквозь ближайшего противника. Мощный удар едва не опрокинул круглолицего на спину, но он удержал-таки равновесие. А черный всадник, тут же позабыв про копьё, уже выхватывал из ножен длинный и прямой меч. И пока он, сделав обманное движение вправо, а затем рубанув сверху донизу, от дурацкого шлема до ляжек, разваливал пополам второго круглолицего, первый еще несколько шагов по инерции проехал вперед. Жизнь его неумолимо таяла, вытекая тонкой струйкой пара из перекошенного рта. Схватившись за копьё, как за самое дорогое, чем он сейчас обладал, враг наконец изрыгнул кровавую пену и ничком свалился на степной саван – засыпанную серебристым снегом траву.

Третьему противнику черный воин тоже не оставил ни единого шанса одержать над ним верх. Уклонившись от удара кривой сабли, буквально на считанные миллиметры поднырнув под нее, черный, не глядя, наотмашь ударил мечом. Как раз на уровне живота круглолицего пришелся удар – и осталась кровавая половинка туловища, без головы и плеч, сидящей в седле. А верхняя часть, продолжая тупо сжимать кривую саблю, рухнула на мерзлую землю, под копыта собственному коню.

Лицо Дьяченко было залито чужой кровью. Не имея возможности вытереть ее – руки по-прежнему были связаны, – он уткнулся лицом в снег. Перед тем как ринуться с копьём на первого врага, черный всадник неожиданно скинул Дьяченко с коня. Больно ударившись затылком и спиной об угловатую, как камень, землю, Дьяченко выматерил чертова незнакомца. Но затем, став свидетелем кровавого поединка, горячо славил Бога, что до сих пор еще жив. «Он так борется за мою жизнь. Или, может, варвары хотят отбить меня у него? О, нет! У них такие мерзкие хари! К тому же он сильнее их. Лучше отдаться сильному, чем этим кругломордым. Но кто он, Господи?! И что ему от меня нужно?» – лихорадочно искал ответа Дьяченко.

Лежа на боку на холодной колкой земле, в грязном снегу, забрызганном кровью, затоптанном копытами, он с первобытным ужасом, незнакомым современному человеку, наблюдал, как острая сталь разрубает человеческую плоть, как летят в стороны куски этой плоти, с какой невероятной естественностью один человек лишает жизни другого. «Ну на хрена, на хрена я ему сдался?! Куда он меня все-таки вез, мать его?!» – Дьяченко продолжал истерично гадать, переживая, трясаясь каждой клеткой своего незащищенного тела за жизнь черного воина.

Увидев, как пал, разрубленный пополам, еще один их товарищ, остальные три круглолицых были вынуждены отступить, повернувшись к черному воину своими собачьими косичками. Воспользовавшись моментом, черный всадник подлетел к Дьяченко и, быстро нагнувшись, вновь посадил на коня. Впервые улыбнувшись Вальке – сдержанно, одними губами, он коротко гикнул и погнал коня к черневшему вдали лесу, обещавшему защиту и спасение. Но не промчался он и двадцати сумасшедших, изрыгающих копытами фонтаны снега и грязи, шагов, как в его плечи и левый бок впились три стрелы. А потом еще дважды по столько же... Теряя стремительно силы, будто спеша угнаться за душами убитых врагов, черный всадник взмахнул над Дьяченко мечом – Валька в ужасе зажмурил глаза – и одним ударом разрубил узел на веревке, связывавшей руки пленника. Затем, покачнувшись, неуклюже сполз с седла. Раскинув руки, мертвой птицей остался лежать в степи.

До леса оставалось метров двадцать-тридцать, когда одна из бесчисленных стрел, пытавшихся угнаться за серым, как зимний день, жеребцом, настигла-таки Дьяченко – вошла ему под самую правую лопатку. Вскрикнув, он упал коню на шею и уже на грани беспмятства сжал его жесткую гриву. Сознание утекало от Вальки неведомыми тропами, в последний миг, когда он еще мог мыслить и чувствовать, у него мелькнула слабая надежда, что вот-вот он должен проснуться. Вспыхнула, как искра, и тут же погасла. Связь с миром оборвалась. Все...

3

Очнулся Дьяченко от нестерпимого жара, дышавшего прямо в лицо. Конь под ним радостно всхрапывал. Невыносимо болело плечо и правая половина спины – туда вонзилась стрела. Осторожно, с каким-то необъяснимым усилием, будто они были склеены запекшейся кровью, Дьяченко разомкнул веки. Напротив полыхала стена огня. Ночь терпеливо замерла поодаль, как шакал, ожидающий, когда насытится лев. Скрипнув зубами, Дьяченко оторвал от лошадиной холки тяжелую свою голову. С трудом огляделся – горело кольцо огня. Но еще ближе, маяча черными силуэтами на фоне красно-огненных всполохов, перед ним встали люди – плотным кольцом окружили его. Факелы в их руках казались звездами, упавшими с небес. В дрожащем, неустойчивом свете огня, подвластном каждому порыву ветра, лица столпившихся вокруг людей то и дело меняли черты. Пока Дьяченко смотрел на них, они успели побывать нежноликими юнцами – такими безоблачными созданиями они предстали перед незванным гостем вначале. Потом – солдатами с одной-единственной гримасой на лице, искаженном слепой, обращенной в пустоту ненавистью. Но вот уже смотрели на раненого Дьяченко смиренные, изможденные лица детей сохи и плуга – в их глубоких морщинах, изрезавших впалые щеки, сохли прошлогодние слезы. Потом было все: корчили козы морды, дразнили обезьяньими ужимками, прельщали ангельской улыбкой, стращали черными глазницами, ввалившись носами, лунками ртов, вечно хохочущих, орущих песню, в которой сплелись воедино хвала жизни и хула жизни, вызов смерти и призыв сплясать под ее черный бубен.

Бац-ц-ц-а-а-а! Бубен легок на помине! Легок, да звон его тяжел, будто густая россыпь медяков вдруг ударилась оземь и покатилась под ноги людей, под копыта коней. Бац-а-а-а! Кто-то настойчиво забил в бубен, вторя ему, раздались удары в барабан, низкие и глубокие, как зов преисподней. Сердце Дьяченко невольно застучало им в унисон, беспрекословно подчинившись их первобытной власти. Он вскрикнул, испуганный, обвел большими глазами толпу и обмер, встретившись взглядом с человеком с черной повязкой на левом глазу. Его вид был внушителен и полон неиссякаемой властной силы. Могучего сложения, с плечами широкими, как крылья орла, в высокой черной шапке с золотым наконечником, в великолепной тонкой кольчуге, тесно облегавшей его гордую грудь, огненно-алой в свете факелов, незнакомец неподвижно сидел верхом на луннобелом красавце жеребце. В первую же секунду Дьяченко понял, что перед ним особенный человек – может, большой военачальник или даже вождь неизвестного ему племени. Валька был потрясен его царственным видом, в особенности взглядом единственного глаза – тот был преисполнен такой необыкновенной внутренней силы, такого величия, что Дьяченко, не смея отвести взор, почувствовал резкую слабость во всем теле и в следующий миг лишился чувств...

Когда он открыл глаза, то увидел низко над собой лицо прекрасной юной девушки. Глаза ее были добры, они светились чудесным зеленым огнем: казалось, то колыхнется листва молодого, еще не истерзанного ветрами деревца. Она наклонилась еще ниже. В один миг щеки Дьяченко коснулось теплое дыхание незнакомки и ее светлый локон. Он тихонько вдохнул ее запах, необыкновенно земной и знакомый. В следующее мгновение до Вальки дошло: девушка обнаружила, что он пришел в себя.

В просторной палатке или шатре с малиновыми стенами и золотым сводом струился сладковатый аромат благовоний и свежих фруктов. Чаша с яблоками стояла справа от изголовья Валькиного ложа, мягкий свет разливали вокруг шесть свечей в высоких черных подсвечниках. Заметив признаки жизни на бледном лице странного человека, явившегося к ним явно из чужого мира, девушка улыбнулась ему и с детской непосредственностью хлопнула в ладоши.

– Где я? – с трудом выдавил из себя Дьяченко, но, к удивлению, не сразу понял, о чем же он сейчас спросил. Слова, произнесенные им, прозвучали на неизвестном ему языке.

– Ну наконец-то! – вновь ударила в ладоши девушка. Голос ее, низкий и глубокий, никак не вязался с ее хрупкой, изящной статью. И снова Дьяченко подивился тому, что, не разобрав ни единого ее слова, он понял их смысл – словно незримый переводчик засел в его непутевой голове.

– Ты жив, незнакомец. Теперь можно позвать Коло-кся, он уже заждался...

– Постой! – неожиданно даже для самого себя взмолился Дьяченко. – Кто ты?! Ну кто ты, о Господи?! Где я?!

Дьяченко было плевать, что он по-прежнему не узнает своего голоса. Девушка прекрасно его поняла. Улыбнувшись, жестом попыталась успокоить его.

– Отец назвал меня Гойтосирой. А самого его люди зовут Коло-ксаем. Что значит «Солнце-царь». Вот уже двадцать пять лет он правит племенем воков, добиваясь вместе со своим народом славы и расположения богов. Вот уже восемьдесят девять лет в один и тот же день воки приходят сюда. Оставив на время дома и хозяйство, стариков и детей, добро и скот, они проходят две сотни миль, чтобы принести жертвы богу солнца Хорсу. Теперь никто не скажет, кем был заведен этот вечный порядок, которому подчинялись наши предки, которому подчиняемся мы, а в будущем – наши дети и внуки. Никто не знает этого... Но каждый вок, если ты спросишь его, точно скажет тебе, сколько жертв положено принести в дар солнечному Хорсу – шесть. Не больше и не меньше.

Девушка нежно коснулась пальцами щек и лба Дьяченко, затем опустила указательный палец ему на губы.

– Тебе выпала большая честь. Одной из шести жертв уготовано быть тебе, вернее крови, омывающей изнутри твое тело.

– Нет!! При чем тут я?! – заорал Дьяченко. Гго бросило сначала в холод, затем в жар; пот и слезы брызнули из глаз, выступили из пор; он задыхался от ужаса, охватившего его; он почувствовал себя безнадежно беспомощным, тонущим в бурном потоке; в безотчетном порыве он отбросил руку девушки, изогнулся всем телом, будто его спину вдруг обожгло невыносимое пламя... Черты лица дочери царя неожиданно посуровели, стали жесткими, утратив очарование юного личика. Гойтосира вдруг схватила руками шею Дьяченко и стала сжимать. Он хрипел, извиваясь, как уж, в ее не по-девичьи сильных руках.

– Почему я-я-я... Я-я-я не могу... Я-я-я должен...

Гойтосира разжала пальцы – так же резко, как схватила ими за горло. Дьяченко едва не поперхнулся, жадно глотнув большую порцию воздуха. Закашлял, выпучив глаза. При этом стараясь не упустить из виду опасную девицу. Откуда-то она извлекла обломок стрелы – той самой, Валька узнал ее, которой он был ранен.

– Тебе спасли жизнь. Теперь ты должник. И если ты не успеешь выполнить долг, твоим детям и внукам придется сделать это – и так до шестого колена... Но даже не это обязывает тебя пожертвовать жизнью и кровью своей. Даже не это, – девушка задумалась. Ее лицо неприятно осунулось, приобрело неживой, свинцовый оттенок. Его вдруг обезобразили старческие морщины: казалось, дотронулся сейчас до дряблой, лягушачьей кожи, и она сойдет под руками, как маска... В следующую секунду глаза Гойтосиры вспыхнули пронзительным, сумасшедшим зеленым огнем – изумрудная лава вмиг поглотила черные островки зрачков.

«Ведьма!» – пронеслось в голове Дьяченко. Он инстинктивно попятился от нее, хотя деваться было некуда – разве что провалиться сквозь ложе. Хлестнув гневным взглядом, девушка остановила Вальку одним коротким жестом: откуда ни возмись в ее руке возник игрушечный единорог – мутновато-желтый, с неизменно яркой янтарной бусинкой на кончике рога. Короче, тот самый сувенир из офиса Хека. Гойтосира улыбалась – вновь лицо ее было молодым и прекрасным, губы призывно приоткрылись, снежно-белая полоска зубов влажно светилась. Дьяченко почувствовал, как мгновенно откликнулась его плоть, как улетучился страх, как враждебность и недоверие уступили место жажде – жажде греха. Продолжая таять под ее

зеленым всепроникающим взором, Дьяченко уже был готов отдать жизнь за одну-единственную ее любовь. «Ведьма», – с надеждой прошептал он.

Не отводя взора, Гойтосира улыбалась все шире, на ее верхних клыках мерцали алмазы.

– Этого медного Оззо нашли в твоих одеждах, – молвила она, поднося почти к самому Валькиному носу бронзового единорога. Но все внимание Дьяченко, вновь напрягшегося, собравшегося в комок, в эту минуту было приковано к другой, правой руке девушки: в ней Гойтосира сжимала роскошную, украшенную щедрой жменей сверкающих камней рукоять ножа или кинжала.

– Это всего лишь сувенир... – едва слышно прошептал Дьяченко. В его бедном сердце опять поселился страх, рассудок слабыми молоточками забил тревогу – слишком поздно забил.

– Сувенир? Мне не знакомо значение этого слова. Думаю, ты лжешь, малодушно пытаешься спасти свою жалкую жизнь. Но я не верю ни единому твоему слову! А-ха-ха-ха! Ты послан нам судьбой! Лучшее тому доказательство – эта удивительная медная фигурка! Никогда еще ни одному воку не приходилось держать в руках ничего подобного! Бронзовый Оззо – это знак! Он ясно и недвусмысленно свидетельствует о твоей неизбежной жертвенности, о твоём священном предназначении. Будь мужественным, будь полнокровным, как река в половодье. Твоей крови жаждут тысячи душ воков! Это были отважные воины. Они отдали жизнь за свободу нашего племени: одни сделали это вчера, другие – а их большинство – так давно, что уже никто и не вспомнит. Но все они одинаково нуждаются в твоей защите – защите твоей крови! Ведь души воков-воинов, отправившись в мир иной, стали там добычей отроков – мерзких демонов с оленьими рогами и обманчиво-сладкой, ангельской внешностью. Отроки – о, как я их ненавижу! – крича, Гойтосира распахнула изящный ротик – вдруг с ее правого клыка упала алая капля. Дьяченко вздрогнул, он не мог пошевелить пальцами ног – те внезапно отнялись.

– Если мы сейчас не поторопимся, – горячо задышала-зашептала Гойтосира, – оленеподобные демоны утопят в Юфилодоре души воинственных и справедливых воков. Если мы не поторопимся, о пришелец с бронзовым Оззо, знаком, ниспосланным нам великим и всемогущим Хорсом, если мы не поспешим, души моих предков навсегда сгинут на дне озера демонов, где тени питаются душами живых, где злые боги прут из влажного, вязкого мрака, точно речной сорняк, где правит бог всех демонов и падших ангелов Хоре!

– Хоре?! – ошарашенный, воскликнул Дьяченко. Ему показалось, что он ослышался. – Но ты же сама назвала его богом солнца!

– Ни слова больше! – девушка перебила его, ничуть не смутившись, заткнув ему рот молниеносным, пламенным поцелуем. – Теперь или никогда! – взмахнув правой ногой, как птица крылом, она ловко оседлала тело Дьяченко, безошибочно отыскав его мужское естество, одной лишь волей своей и жаром юного тела заставила его подчиниться своему желанию. Когда Дьяченко, окончательно потеряв голову, утратив врожденную способность к самосохранению, достиг невыносимо нежных глубин и уже был готов щедро поделиться с ними самым сокровенным, что у него было после жизни – своим семенем, – красавица Гойтосира едва не перерезала ему горло. В бешеном ритме двигая неутомимым, как у кошки, телом, жадно глотая стоны и признания молодого пришельца, девушка, вновь по-волчьи оскалившись, занесла над ним исключительной красоты смерть... Но ударить ножом не успела – в шатер царя Коло-ксай ворвался... сам Коло-ксай! Со свитой и верными воинами.

4

– О демон! Остановите Гойтосира!! – с порога вскричал царь, и повязка на его глазу надулась, как парус от дерзкого ветра. Бежавший рядом рослый, статный воин в высокой черной шапке и с алой лентой на правой руке – точный двойник черного всадника, пленившего Дьяченко – быстро метнул копье. Короткое тонкое древко с тяжелым железным наконечником пробило чудесную грудь Гойтосиры в тот самый миг, когда по ее юному телу побежала волна экстаза. Черно-красная кровь хлынула на Дьяченко – кончая, тот чуть не захлебнулся в ее холодных душных струях, принесших смрад и горечь преисподней. Он с трудом избавился от стремительно деревенеющего тела. А когда, вытерев рукавом кровь с лица, вновь глянул на Гойтосиру, то обмер от неожиданности, а потом, спустя краткий миг, не в силах совладать с нахлынувшими чувствами, заорал что есть мочи! Подле его ложа, распластавшись на земляном полу, корчилося в смертельных муках чудовище с безобразным обличем и грудью, поросшей длинной косматой шерстью. «Гойтосира-колдун!!» – ужаснулся Дьяченко.

– Гойтосир – посланник Виораха, бога хлопов – крысоподобных демонов, – словно прочтя мысли пленника, поправил Коло-ксай. Метнув на пленника быстрый, оценивающий взгляд и тут же, презрительно прищурившись, отведя его, царь воков приказал воину, убившему демона:

– Порк, немедля веди чужеземца на капище!

– Нет!! – набравшись смелости, вдруг выпалил Дьяченко. – Сначала объясните, какого черта вы меня здесь держите!

От неожиданности, от резкого звука чужого голоса царская свита замерла, Порк выверенным движением схватился за меч, а сам царь вновь впери в пленника испытующий взгляд – на этот раз в его взоре мелькнула искра интереса.

– По правде говоря, не по нраву мне добыча Оржефара... Но у меня нет другого выбора. Ныне степь оскудела благородными мужами, достойными стать жертвой великому Хорсу. Приходится довольствоваться бродячими, безродными псами...

– Да пошел ты, тоже мне царь выискался! – ругнувшись, Дьяченко ринулся было на Коло-ксая, но два плечистых стражника из царской свиты, опередив Вальку, схватили его за руки. Боже, что он делает?! На чужого царя руку поднял! Не иначе бес попутал!

Царь, казалось, пропустил мимо ушей выходку чужеземца. Помолчал, задумчиво глядя поверх его головы, поверх уродливых останков Гойтосира... Затем, видимо, справившись с затаенной яростью, продолжал – голос царя стал тверже и звонче:

– Лаять попусту – удел невежественных псов. Я без тени жалости отдал бы приказ привязать брехливого пса, присланного нам отважным Оржефаром, к конскому хвосту и выгнать коня в степь. На три дня и три ночи развеять беспутный прах его! Пес!! Я не удостоил бы его даже случайным взглядом, не говоря о чувственной речи, не окажись у него священного знака моего племени – медного Оззо!

– Да е-мое, дался вам этот единорог! – завелся опять Дьяченко – ну точно демон взбаламутил его душу. Предчувствуя, что так или иначе ему крышка, он вновь полез на рожон. – Сначала мне ваш демон уши прожужжал про какого-то Оззо, теперь царь взялся про то же талдычить!

– Ну ты, сквернослов! – рывкнул, не выдержав, Порк и ударил плашмя мечом Дьяченко по голове – тот так и рухнул на колени, выпучил очи, беззвучно хватая ртом воздух. Коло-ксай, досадливо поморщившись, поднял руку. Повинуясь знаку, от свиты отделился воин и вылил на голову пленника ковш воды. Порк нехотя спрятал меч.

– И что же сообщил тебе демон Гойтосир? – впервые обращаясь к Дьяченко на ты, произнес царь воков.

– Что, что... – невнятно буркнул Дьяченко. От удара мечом голова гудела покруче, чем после самой отчаянной пьянки. Он попытался сосредоточиться – куда там! Царей было двое... или трое. «Чур тебя!» – вспомнив детское заклинание, Валька мотнул головой. Наконец нашел в себе силы, сосредоточился. – А то, что если в нужное время не пожертвовать мою кровь Хорсу, эти... как их... отроки с оленьими башками быстренько упрячут души ваших предков на дне адского озера Уфо... Юфи...

– Юфилодора! – жестко оборвал Коло-ксай. В его голосе угрожающе зазвучали металлические нотки. – Так зовется царство, которым правит дьявол Виорах. Сатанинское отродье! Ему прислуживают крысоподобные демоны хлопы, но уж никак не отроки. Не тебе судить об отроках, лживый пес! Их чудесные головы и в самом деле имеют поразительное сходство с головами гордых оленей. Но как у тебя, поганого пса, могла возникнуть столь нелепая, преступная мысль: причислить чистейших посланников бога солнца к слугам дьявола?! В каком же конском навозе отковырял тебя Оржефар?

– Пробачьте, панове, за што купил, за то вам и продал, – поморщившись, Дьяченко на миг потупил взор – страх попеременно со стыдом не лучшее испытание для мужчины. Затем искоса глянул на царя. – Чем меня ваш демон нагрузил, то я вам и... – он осекся, встретившись взглядом с суровым Порком – его очи готовились испепелить брехливого чужестранца. Улыбнувшись – через силу, аж вспотел! – Дьяченко покачал головой. – Блин, какие вы все ранимые! Короче: Гойтосир выдал мне сказочку, а я вам ее пересказал. Так где здесь моя вина?

– Вина всегда с человеком. Вопрос лишь в том, кто кого оседлал: ты вину или она тебя, – тихо произнес Коло-ксай. При первых его словах взор его единственного глаза заметно вспыхнул, словно царь сказал или собирался сказать о чем-то важном, но уже спустя миг-другой так же внезапно потух, точно Коло-ксай передумал вещать чужеземцу. Либо обратил взгляд внутрь себя.

Замолчав, царь повернулся спиной к Дьяченко и так же, не проронив ни слова, вышел из шатра. Свита последовала за своим государем. Лишь Порк и два воина остались с пленником. Грозный помощник царя, видимо, давно дожидался этой минуты. С шумом выдохнув ртом воздух, будто долгое время, не дыша, он находился под водой, а теперь наконец всплыл на поверхность, Порк выдернул меч из ножен. Приставив клинок к шее Дьяченко, в гневе обрушился на него:

– Как ты посмел дерзить, грязный раб?! Твоего скудного ума хватило лишь на то, чтобы скрыть твой подлый страх! Паршивый пес! Не каждого из нас помнит по имени великий царь! Тебя же, грубый чужеземец, он удостоил своим пламенным чувством! Быть тебе добычей степных волков, если бы не выбор Оржефара! В племени воков с давних пор уважали самого храброго воина, память о доблестном Оржефаре еще долго будет вить гнездо в наших сердцах!..

– Мне-то что теперь делать? – с напускным безразличием перебил Дьяченко. Ему враз все надоело. Захотелось в сию же секунду, не выходя из шатра, решить свою участь. Хотелось со всем покончить... но от страха подкашивались ноги. Голос предательски зазвенел. – Искупить вину свою, что ли?

– Уйми гордыню, чужеземец! – вперив в пленника надменный взор, Порк процедил сквозь зубы. – В твоей крови столько скверны и зла, столько песка и камней, столько скрытого темного смысла... Прокаженный милей. Вот что я скажу тебе: очисти свою кровь прежде, чем найдешь в себе силы умереть.

– Что ты имеешь против моей крови? – завелся вновь Дьяченко. Вцепившись в двух стражников, продолжавших держать его за руки, он вдруг круто изогнулся – выгнул вперед спину, запрокинул голову, поджал под себя колени... В следующий миг, распрямившись, как пружина, Валька нанес в грудь Порку мощный удар ногами. Застигнутый врасплох выпадом пленника, никак не среагировав на его удар, вок упал как подкошенный. Ободренный собственной удачей, Дьяченко попытался вырваться из крепких объятий стражников. Чудом

высвободив правую руку, он что есть силы заехал кулаком в глаз одному из них. Но тут же вздрогнул, пропустив сильный удар в голову.

В Валькиных глазах потемнело, поплыли, расплываясь, золотые круги, затем и они пропали – свет в его очах потух, и он без чувств рухнул наземь...

5

Сквозь строй ожесточенных гримас, озлобленных глаз, расплавленных, как металл, плевков, сквозь ледящий душу гул проклятий и заклятий – гул тяжелый и вязкий, точно стон подводного колокола – волокли Дьяченко. Люди, ряженные, с размалеванными лицами, встали тесным коридором – потеряв голову, они торопили палача. А тот без жалости и без ненависти тащил за собой чужеземца, не оглядываясь, тащил по кочкам и рытвинам – будто и не человека, а сдохшую тварь волок.

Внезапно бросил пленника, словно ему наскучило это дурацкое занятие. Да еще отвесил тяжелую оплеуху – Дьяченко с глухим стуком ткнулся мордой в холодную и скользкую, как кость, землю...

Неведомо сколько времени прошло, когда Валька, вновь придя в себя, оторвал от земли искаженный болью взор. Вгляделся сквозь еще неплотную завесу сумерек. Утренних ли, вечерних – а-а, один черт! «Как же больно! Что там еще за херовина маячит? У-у! Мать ее так! Мать! Матерь божия, спаси-помилуй мя!..»

Впереди, метрах в пятнадцати, встал громадный черный столб. Закусив нижнюю губу, слабеющим взглядом Дьяченко поднялся по столбу. Сверху на него было водружено неправильной, уродливой формы навершие, отдаленно смахивавшее на голову не то зверя, не то неведомого Вальке божества. «Кажись, башка золотая. А там кто его знает». Таинственная голова находилась примерно на уровне четырехэтажного дома. Основание столба скрывал от беспомощных Валькиных глаз невысокий вал, над ним курился сизый дым. Время от времени оживляемый проистекающими внутри волшебными процессами дым начинал переливаться мириадами мельчайших серебристых блесков, словно в него бросили щедрую жменю конфетти или взорвали хлопушку. К валу с трех сторон один за другим стекались люди. Встав на колени, опускали за тыльную сторону вала принесенные дары. Дьяченко удалось разглядеть лишь обезглавленных птиц. Кажется, это были куры. Серо-белые в сумеречном свете, в беглых всполохах огня шарики несколько вытянутой по оси формы запросто могли быть куриными яйцами. Желто-белые лепешки – сыром. А влага, проливавшаяся из случайно накрененных глиняных сосудов, – виноградным вином. С языческой непосредственностью и настойчивостью племя воков стремилось ублажить деревянного бога, пожертвовать ему то, без чего не могла обойтись их собственная плоть.

Вдруг Дьяченко ощутил резкий укол в правый бок – укол, от которого перехватило дыхание, но одновременно прояснилось сознание. Боль вмиг очистила Валькину голову от наносных, случайных мыслей – до него наконец дошло, что скоро ему конец. Вслед за ударом копья – Дьяченко догадался: били тупым концом – прогремел окрик Порка:

– Встань, жалкий раб! Царь подал тебе знак. Оззо близок. Он чувствует твою поганую кровь.

Проси, раб, очищения, как ты просишь пощады!

Дьяченко повернул голову влево – совсем немного, насколько это было возможно лежа на животе. Среди воков, жадным кольцом обступивших земляной вал с черным истуканом в центре, он разглядел одноглазого царя. Коло-ксай восседал на небольшом возвышении, покрытом роскошным ковром – густой темно-серой тенью, падавшей от деревянного бога Хорса. Эта же тень легла на чело Коло-ксай. Лишь белок единственного его глаза сейчас блестел, подобно семени, брошенному в сырой чернозем, выделяясь на фоне неподвижной прозрачной мглы. Но и одного сверкающего, горящего ока царя было довольно, чтобы вдруг понять, какой силой и решимостью наполнен его дух. И Дьяченко, встретившись взглядом с повелителем воков, тотчас сдался.

Поднявшись, качаясь, на ноги, Валька огляделся, пытаясь разыскать обещанного ему палача – единорога Оззо. Кровь тревожно стучала в левом виске, точно душа в маленький

бубен. Словно вторя току крови, за Валькиной спиной внезапно заухали совами барабаны, зазвенели невидимые цепи... Или то ночные цикады, восстав из снега и мерзлой земли, перебывая друг друга, взялись предрекать пленнику скорую его гибель.

Два стражника – те самые, что схватили Дьяченко в царском шатре – подвели его к походному трону Коло-кся. Не сводя с пленника единственного глаза, в ту минуту похожего на белый камень с черным отверстием посередине, царь подал знак – неуловимый и непредсказуемый, как смена милости его величества на благородный гнев. И в тот же миг на Дьяченко накинулись пять-шесть человек в грязно-серых плащах до пят, с рваными дырами там, где должно биться сердце, в остроконечных капюшонах, целиком закрывавших их лица. «Ну ни хрена себе! Куклус-Клан, что ли?» – пронеслось в Валькиной голове. Не то жрецы, не то палачи принялись спешно натягивать на Дьяченко какие-то лохмотья. Он не сопротивлялся – слишком нереальным казалось происходящее с ним. Бр-р-р! Передернул плечами, как от случайного прикосновения к гадкому, мерзкому. Замычав, мотнул головой – наваждение не исчезло. Его и не было, наваждения. Одна злобная неизъяснимая реальность довлела над Валькиным сознанием, потрошила его дух, скоблила сердце. «Да быть такого не может!» – возопил было пленник... но даже шепот не исторгли потрескавшиеся, испачканные засохшей кровью губы. «Добить такого!» – эхом отозвался страх в его голове. И распахнул ворота. Все, кто был поблизости, ломанулись в них – одноглазый царь, воины-язычники, черная зимняя степь, скупно припорошенная соленым, как кровь, снегом, грозный столб, в пугающих, хищных отблесках огня больше напоминающий ракету, чем непонятное божество.

Нацепив на жертву ритуальные одежды, умастив ее голову маслом, пахнущим полынью, жрецы увлекли Дьяченко к огню. Громадной рваной стеной костер встал вокруг мира, осью которого был златоглавый идол Хорса. Ощувив близкий жар бушующего, вздымающегося до ночных небес пламени, Дьяченко вдруг заупрямился, напрягся всеми мышцами, принялся неистово сопротивляться, упираться телом и душой. «Получай, сволочь!» – со вкусом заехал головой в скулу одному, локтем – в пах другому, перекинул через себя третьего. Аж веселей стало!.. Но уже в следующую секунду получил в ответ мощнейшую затрещину по затылку. Немедленно обмяк, утратил волю к сопротивлению, сдался, беззвучно зарыдал...

Пленника волокли по снегу, оставляя на нем испачканную кровью борозду. В помутневшем от боли взоре плясали отблески жертвенного костра. Сейчас Вальку бросят в самое жирное пламя, вспыхнут волосы и одежда, сумасшедшая боль раскаленным обручем стиснет голову и сердце, глаза лопнут, как мыльные пузыри... Сейчас...

Внезапно в сплошной кроваво-оранжевой стихии возник черный проем, словно кто-то разорвал огненное кольцо, проложив в нем спасительный путь наружу. Дьяченко глядел на него отороженным, бесчувственным взглядом – так не чувствует долгожданного тепла смертельно окоченевшее тело. Над разбитой в кровь головой гасли холодные искры, угасал рассудок, а спасение, казалось, вот оно – его нужно было лишь захотеть... Но спустя еще несколько мгновений-шагов стало ясно: черное пятно, как из-под земли возникшее на кроваво-красном фоне, вовсе не проход за пределы ритуального огня, а одна из стен небольшого, приземистого сооружения. То, что так разглядел, совладав с болью и равнодушием, Валька, походило на шатер царя воков, разве что имело более непритязательный, убогий вид.

Два жреца, опередив остальных, продолжавших тащить обреченного пленника, кинулись к строению, о назначении которого можно было только гадать. Жрецы принялись спорить скидывать черные шкуры и меха, которыми было плотно накрыто строение. Шкуры, несмотря на кажущуюся легкость, с шумом падали под ноги, поднимая брызги красноватого в отблесках огня снега. Наконец обнажился скелет хижины или шалаша – желто-серый, сплетенный из ветвей некогда живого дерева или костей безымянных зверей.

Зверь стоял в клетке. Испуганным взором Дьяченко встретил настороженный, выжидательный взгляд зверя – и ноги у человека подкосились. В клетке его ждал единорог. Пытаясь

достать незнакомца, он просунул на волю рог, густо усеянный темно-красными, точно наполовину свернувшаяся кровь, каплями. Фыркнув, забил копытом мерзлую землю, поднимая фонтанчики грязного снега. В глазах единорога крепла ненависть к незнакомому человеку. А тот не на шутку струхнул, не смея ни пошевелить рукой, ни о чем-то смело подумать. Невольно на память пришли слова сурового Порка, назидавшего пленника очистить кровь перед смертью... Как вдруг за Валькиной спиной раздались тяжелые, как божья кара, слова:

– Сейчас, чужеземец, ты предстанешь перед Оззо. Запомни: тебе выпала великая честь возглавить спасение душ благородных воков. Наши славные предки – деды и прадеды – и те, кто лишь вчера отдал жизнь за свободу и святость народа нашего, – ждут тебя, чужеземец! Они зовут тебя из преисподней, о непостижимый моему разуму человек. Но не приведи господь обмануть мои ожидания!.. Для этого есть Оззо. Единорог, что состарился, ожидая тебя, – не кровожадный зверь и не орудие палача. Оззо призван первым испытать твою кровь. И если она грязна – он очистит ее, отравлена – опять же очистит. Но если твоя кровь проклята и зачарована дьявольским шепотом Виораха, ты заплатишься за это своей душой, человек!

Коло-ксай смолк, и Дьяченко втолкнули в клетку.

Если бы не рог с бронзово-красным, словно закаленным в огне, грозным концом, Оззо можно было бы запросто принять за породистого жеребца. Благородного золотисто-медного окраса, с холеной холкой, тонконогий, с чувственными, живыми ноздрями, звероокий единорог одновременно приводил в ужас и восхищал. Но стоило лишь за спиной Дьяченко захлопнуться дверце, как Оззо набросился на пленника. Первым же ударом он едва не лишил Вальку жизни – тот даже не успел закрыть рукой лицо, как был поддет рогом. Единорог в яростном выпаде подбросил человека метра на два от земли. Падая, Дьяченко сильно ударился спиной о клетку и грузно повалился в вытоптанный копытами снег. Слезы брызнули произвольно, глаза залило кровью, сочившейся откуда-то со лба. Единорог фыркнул, почуяв свежий запах крови, вновь кинулся на человека. А в том вдруг проснулся инстинкт самосохранения: защищаясь, Дьяченко машинально выбросил вперед руку, сжимавшую бронзовую копию единорога. Рог разъяренного Оззо был уже на расстоянии двух рук от головы Дьяченко, жаркое дыхание пахло чужой плотью. Последнее, что успел разглядеть Валька, – крошечный янтарный наконечник на роге своего убийцы. Точь-в-точь такой же, как на сувенире, который он продолжал сжимать в вытянутой руке. Из янтарного наконечника Оззо струился светло-золотой свет, полный таинственных теней и мгновенных, как блеск молнии, всполохов.

6

Дьяченко медленно привыкал к свету. Неторопливым взором обходил внутренность клетки, скользнул по потному боку Оззо, на миг задержался на его воинственном роге с янтарным секретом, ткнулся в лица дюжины жрецов и воинов, с безгловыми гримасами рассматривавших его тело – его, Валькино, тело, неподвижно распростертое посреди клетки. Один Дьяченко был мертв или лежал в забытии, оглушенный ударом единорога. Другой Дьяченко с немыслимым хладнокровием наблюдал за первым. Откуда-то следил со всевозрастающим интересом. Тем временем единорог, храпя и мотая головой, угрожающе рыл правым передним копытом землю. Казалось, Оззо никак не мог осмелиться переступить невидимую межу, отделявшую его от лежавшего навзничь человека. Может, зверя испугала блестящая, нервно вспыхивающая в дрожащих отблесках костров бронзовая фигурка, выроненная жертвой?

Второй Дьяченко не успел обдумать причину внезапного замешательства единорога. Картинка с клеткой, растерянным зверем, дремучими воками, не способными взять в толк, отчего Оззо до сих пор не добил свою жертву, не выпустил на снег ее поганую кровь, с человеком, скрючившимся на снегу и так похожим на него, живого Дьяченко, – картинка эта вдруг уплыла из Валькиного поля зрения. Теперь Дьяченко видел капище. Вот громадный черный столб, поднявшийся из тленной земли в небеса, проткнувший их, будто рогом волшебного зверя, золотой головой бога солнца. Вокруг деревянного идола вал, за ним продолжали класть требы язычники: опускаясь на колени, воки один за другим отдавали Хорсу все то, в чем себе могли с трудом отказать. При этом они добавляли к пище и драгоценным вещам нечто, о назначении которого смутно догадывались даже жрецы. Великомудрые святейшие старики полагали: знания как пища – обретение одних укрепляет здоровье и дух немногим членам их племени, воздержание от других знаний может удлинить жизнь целому народу. У каждого мудреца свой яд и свой эликсир бессмертия.

Дьяченко воротило от вида пищи, приносимой воками в жертву их неразборчивому божеству. Обезглавленная, истекающая кровью птица – в основном куры и гуси; птичьи яйца, уже готовая яичница, разложенная на медных и деревянных блюдах; какие-то коренья, связанные в пучки; бесчисленные лепешки – хлебные, сырные и уж совсем неизвестной природы, будто поросшие шерстью или травой; чары с вином или ядом, сладости, фрукты, неживые на вид – бронзовые и сморщенные, точно отрубленные головы; черные вяленые конские ноги, у которых копыта перевязаны алыми лентами... Казалось, все приношения складывались с необыкновенной заботливостью в специально отведенный для этой цели ров, находившийся за внутренней стенкой вала. Казалось, ритуал жертвоприношения был проникнут неподдельной искренностью и верой, но... Но странное дело – Дьяченко внимал ему с безгловостью, грозившей перерасти в тошноту. С болезненной живостью он представил омерзительную мешанину из языческих сувениров: вот по рву потекли раздавленные куриные яйца, мороженные фрукты, кровь и внутренности жертвенных птиц, вот уже во всем этом ритуальном дерьме закопошились черви... И всю эту дрянь, они надеются, примет от них Хоре, да еще в обмен на души их недоумков предков! Тьфу!! И... и еще они хотели – Дьяченко вспомнил с ненавистью – пролить в ту же помойную канаву его драгоценную кровь! Он пришел в ярость. В следующую секунду перед его гневным, помутившимся взором возникла очень четкая картинка, вытеснившая предыдущую: вновь крупным планом его тело, беспомощно сжавшееся в последней судороге на грязном снегу, и бурая лужица, растекшаяся под его правым боком. Ублюдки, они все-таки убили его!! Дьяченко неистовствовал. Несчастный, он не знал, на ком сорвать злость. Он не знал, жив он или мертв...

Неожиданно его успокоил вид мирно мерцающих углей. Жрец в непомерно высоком и пышном головном уборе – сложной конструкции из горизонтальных и вертикальных перекладин – внес в центр капища подобие корзины или широкой вазы, покрытой изнутри золотом.

«Жертвенник», – сразу догадался Дьяченко, будто раньше был знаком с его описанием. За первым жрецом следовал другой в таком же необычном, нелепом головном уборе, отдаленно напоминавшем оленьи рога. В одной руке второй жрец нес совок с раскаленными углями, зловеще подмигивающими, точно глаза дракона, в другой – пучок трав, обернутый в темно-зеленую ткань. «Травы для воскрешения», – решил Дьяченко, продолжая следить за действиями жрецов. Его удивило, что эти двое держались особняком от остальных языческих священников, а те в свою очередь не обращали на них ни малейшего внимания. Да и одета странная парочка была иначе: кроме странных головных уборов, у них имелись еще отличия: вместо длинных серых плащей с капюшонами на обоих жрецах были короткие зеленые или бирюзовые кафтаны или сюртуки и черные облегающие трико. Дьяченко терялся в догадках, чем могла быть вызвана эта разница и кто вообще были те двое, когда случилось такое, отчего мысли в Валькиной голове вдруг встали, как река, закованная льдом.

А произошло следующее. На небесах по-прежнему было разлито черное вино ночи и боги пили его золотыми устами, обещая захмелеть за миг до рассвета, когда первый жрец в бирюзовом кафтане, более рослый и широкоплечий, нежели его спутник, принялся обходить по кругу вал и ров с приношениями от диких воков. В вытянутых руках жрец держал дымящийся жертвенник – то курились опущенные на угли священные травы. Всем видом своим первый жрец выражал великое благочестие и смирение, губы его трепетно шептали неслышанные молитвы, что вместе с выдыхаемым паром таяли в студеной мгле. Травы курились все гуще, обнаружив в себе неизъяснимую внутреннюю силу, окутывая волшебным дымом земное и тленное, принесенное в дар богу Хорсу. Воки, наоборот, повели себя непотребным образом. Словно подгоняемые беззвучной командой, бросились лакать на перегонки из больших высоких чар и кривых, как месяц, рогов. Пустые чаши они кидали под ноги, швыряли, не глядя, налево-направо, иногда попадая друг в друга. Скорчив ужасные гримасы, размахивали руками, кричали что есть мочи, пугая ночь и клича злых духов. Нигде не было видно царя воков, но часто выкрикивалось его имя. Вот Порк, охмелев, схватился с мордастым верзилкой, у которого вместо привычной высокой шапки торчал над головой бронзовый кулак. Порк, притворившись раненым в бедро, согнулся, но уже в следующую секунду его меч послушно отделил голову обидчика от его могучих плеч. Обезглавленное тело, мгновение поколебавшись, срубленным дубом рухнуло наземь. Наклонившись, удачливый соперник поднял за бронзовую руку голову и, что-то победно выкрикнув, понес ее к черному златоглавому столбу. Переступив вал и ров, Порк неожиданно прошел сквозь жреца, несшего навстречу дымящийся жертвенник. Такого Дьяченко, уже начавший привыкать ко всяким чудесам, еще не видел. Вок шагнул в пах священника, а вышел из его спины! И каждый пошел своей дорогой.

Как ни в чем не бывало военачальник воков приблизился к идолу. Пока он, едва удерживаясь на нетвердых ногах, приносил в жертву человеческую голову, жрец, не сменив благочестивого выражения на одухотворенном лице, продолжал освящать капище. Дьяченко во все глаза глядел на происходящее. В первый момент он схватился было за голову, переживая увиденное, как вдруг... не обнаружил своей руки. Чудеса продолжались! Боясь следующего открытия, он попытался оглядеть себя – почему эта мысль пришла ему только сейчас? – и вновь не увидел ничего. Его, Дьяченко, не было!! «Боже, я дух, я душа, наблюдающая за людьми и за своим бездыханным телом!» – мгновенно дошло до него. То, что стало им, точнее ощущение себя-нового, сначала замерло в нем самом, затем задрожало, как теплый воздух в морозном эфире. Задрожал и дым, поднимавшийся над жертвенником, за клубился еще гуще и торопливей, скрыв от несуществующих глаз Дьяченко последнюю картинку из той, языческой, жизни: круглую площадку, окруженную медленно затухающим костром, столб, точно кол пронзивший

сердце земли, суетливо мельтешащих людей, напрасно бряцающих оружием, напрасно забывших бога и совесть... В какой-то миг Дьяченко почудилось, что он видит толпу незнакомцев в бирюзовых одеждах, в громоздких шапках на голове: вновь явившиеся спешно собирали жертвоприношения, переноса их изо рва в ярко-голубые прямоугольные короба. Но вскоре и эта картинка, задержавшись, может, секунд на 10–15, развеялась, вскоре дым окончательно застлал все ощущаемое душой пространство.

7

...Следующее ощущение пришло во время быстрого бега. Дьяченко несся сломя голову... Он был абсолютно бесплотен, но в памяти души еще оставались разрозненные остатки оценок и определений былых ощущений. Мчаться сломя голову, нестись как угорелый... Ощущение быстрого, энергичного бега освежило душу Дьяченко. При этом он не помнил, что прилагал хоть какие-либо усилия, чтобы достичь такой восхитительной скорости, такой свежести чувств. Вполне возможно, что он стоял на одном месте, опять же не чувствуя его под ногами – не чувствуя под собой ног, а все то, что приводило в восторг и будоражило его душу, само двигалось ему навстречу, летело на зов его души. Вполне возможно, что так и было. Но в тот момент, когда способность к ощущениям вновь вернулась к Дьяченко, он всей душой бросился испытывать их, смаковать, даже не пытаясь хоть как-то осмыслить и проанализировать их. Ощущать во что бы то ни стало! Ощущать без оглядки! И Дьяченко летел, ломился напролом сквозь частокोल ощущений, словно смертельно боялся опоздать или, чего хуже, остаться там, откуда вышвырнула его смерть.

...Опять были те – с нелепыми этажерками на головах и в куцых бирюзовых кафтанишках в большинстве своем на шуплых плечах. Они терпеливо, точно бомжи, ковырялись в склизких, студенистых, разваливающихся и расползающихся в руках приношениях дремучих воков, складывая отвратительные дары в голубые коробки. Дьяченко едва не стошнило при виде такого мерзкого зрелища, он отвернулся и тотчас встретился взглядом с одним из тех странных созданий. Гордая, величественная осанка, немолодое, но еще полное светлой энергии лицо, взор светло-серых глаз, проникнутый неподдельным величием и чувством собственного достоинства. «Кажись, это тот самый жрец, что расхаживал по степи с дымящимся жертвенником», – тут же попытался угадать Дьяченко. О левую руку незнакомца опиралась молодая зеленоглазая женщина. Ее красота привораживала. Портила лишь все та же дурацкая этажерка на голове.

– Отвернись, мы еще встретимся, – прозвучал властный голос, и Дьяченко почувствовал, как снова бежит.

...Потом появились песочные часы. Сверху они были заполнены голубым небом с белоснежными облаками, снизу – цветущим зеленым лугом, опиравшимся на кусок жирного черного перегона. Тонкий просвет разделял небо и землю. Не раздумывая, Дьяченко кинулся к нему. Неземной свет сочился сквозь тончайшую щель. Дьяченко не помнил, успел ли он проскочить в нее до наступления конца света.

...Потом было существо с заросшим шерстью лицом. Чудовище крутило рукоятку гигантского барабана, похожего на исполинскую кофемолку. Дьяченко было невдомек, чем заправляло чудовище удивительный механизм, но молотило оно золотые звезды. На миг отпустив рукоятку, чудовище сгребло мохнатыми лапами золотую пыль и, поднеся к скрытым шерстью губам, что есть силы дунуло на ладони. Звезды так и разлетелись на все четыре части света, оседая на темно-лиловой чаше небес! Пока чудовище забавлялось, Дьяченко незамеченным проник в чудо-мельницу, но тотчас завяз в звездной пыли. В следующий миг червячный вал, угрожающе скрипнув, начал набирать обороты. Чудом Дьяченко успел проскочить! Вокруг лежали россыпи живых звезд. Божественное сияние разливалось окрест.

...Птица Пеликан проглотила его душу. Дьяченко навек остался бы в ее желудке, но у нее, ему во спасение, возникла острая потребность опорожниться. Он освободился через клоаку. Там, куда он ушел, не было смрада. Вставало светозарное утро, слышалось журчание чистых ручьев.

...Змей Крез съел его душу. Змею назначено было сторожить человека. Помня о непростительной ошибке птицы Пеликан, Крез закусил собственный хвост, заткнул мордой клоаку.

Но змей был существом, способным к продолжению рода. В назначенный час Крез снес яйцо. В том змеином яйце, улыбаясь молодому солнцу, родился заново человек.

...Рыба Ату б отыскала-таки его в пучине моря, растерзала на части его соленую душу и каждый в отдельности лоскут проглотила. Когда пришло время метать икру, она терпеливо дождалась того злополучного часа и не успокоилась до тех пор, пока не сожрала свой род до последней икринки. В каждой из них жила частичка души Дьяченко. Рыба Атуб, сытая собственной икрой и чужой душой, легла на дно. Атуб не знала, что любое море можно высушить, превратить дно морское в безводную пустыню или цветущий сад. Жизнь продолжалась.

8

– Смерть еще нужно заслужить, – произнес сероглазый незнакомец, собрав душу Дьяченко из икринок рыбы Атуб. Из рыбьего бока торчал золотой гарпун. Перерождение пошло Дьяченко на пользу: словно спала пелена с глаз, очистился слух, созрела душа. С последней икринкой не только возродилась Валькина душа, но и стал ясен мир, в котором она очутилась.

Узкую полоску, что сродни песчаной косе, разделявшую адское море Юфиллдор и живой мир людей, населяли оленеголовые отроки. Дьяченко стучал себя по лбу – неизвестно, за какую такую заслугу он вновь обрел плоть. Он разводил руками, удивляясь, как сразу не догадался, что громоздкие, нелепые, как ему казалось, конструкции, торчавшие над головой созданий в бирюзовых одеждах, никакие не этажерки, никакие не заумные головные уборы, а обыкновенные олени рога. Всего-навсего!

– Ты видел то, к чему была подготовлена твоя душа, – рассказывал предводитель отроков. У него было древнее славянское имя – Братислав. На левую руку ментора отроков продолжала изящно опираться прекрасная молодая женщина – его дочь Амелиска. Дьяченко, приоткрыв рот, загляделся в ее зеленые очи – она улыбнулась ему в ответ. Тем временем Братислав поучал, цепко следя за каждым движением Дьяченко.

– Понимание приходит и уходит из человека, отыскивая для этого одному ему известные двери. Понимание – это бог, требующий взамен себя жертв. Не пожертвуешь – так и останешься до скончания века с грузом навязчивых знаний.

– Скажи, если я пожертвовал душой, как в моем случае зовут полученное знание?

Вместо ответа юная Амелиска звонко расхохоталась. В ее глазах цвета весенней степи блеснули два паруса и тут же растаяли на горизонте души. С трепетной осторожностью касаясь левой руки девушки, Дьяченко прохаживался с ней по берегу сине-лиловых вод. С другого бока бесконечной стеной, достигавшей самих небес, поднимался мутный, непроглядный туман. Или то продолжали куриться в золотом жертвеннике священные травы?.. Дьяченко со сладкой дрожью в душе любовался Амелиской. Она была чудо как хороша! Девушка не отводила сияющих глаз.

– Так как же зовут то ужасное знание, ради которого человек даже готов продать свою душу? Может, то знание и есть собственно дьявол?

Амелиска улыбнулась грустной улыбкой. Теперь зелень в ее глазах стала похожа на листву в таежном непроходимом лесу, куда ни разу не проникал солнечный луч. Девушка ответила нарочно невпопад:

– Ну что ты, милый друг, Виорахом зовут дьявола – хозяина вон той лужи.

Амелиска с нарочитой небрежностью кивнула в сторону темнеющего на глазах моря.

– Лужи, – с трудом оторвав от него взгляд, повторил Дьяченко. – А как в самом деле зовется та мрачная пучина? Бр-р-р! От ее вида у меня по спине мурашки побежали!

Дьяченко как будто забыл о первом своем вопросе. А дочь предводителя отроков отвечать не спешила. Они вышли на пристань. Здесь кипела работа. Смысл ее был неясен Дьяченко. Сотни оленеголовых созданий, цепляясь рогами за низкое небо, в считанные минуты из высокого светлого свода превратившееся в плоское грязное зеркало, сновали на тесной пристани. Одни беспрерывно подносили, подвозили на простеньких повозках, в которые сами же впрягались, знакомые голубые короба. На пристани другие отроки выстраивали из тех коробов нескончаемые китайские стены. Работой руководил ментор Братислав. В его великолепных рогах била хвостом случайная рыба Удача. Отыскав взглядом в толпе отца, Амелиска переглянулась с ним, словно искала молчаливой поддержки. Потом повернула к Дьяченко прелестную головку.

– Юфилодор. Море, в котором прячут души воков и многих-многих иных человеческих племен, называется Юфилодор.

– Души воков?! Так вот оно что!

– Тебя это так взволновало? Но ты ведь не похож на вока.

– Да, но мне поручено... Моя кровь была пролита с единственной целью – спасти души предков воков, а также души их павших воинов.

Девушка, скорчив недовольную гримаску, покрутила головой. Затем, распахнув полу кафтана, показала рукоять меча или кинжала.

– Спасать души – священное предназначение отроков, – заметила она, пристально вглядываясь в какую-то точку в помрачневшем, как ее юное личико, небе. Словно встревоженный ее взглядом, с моря подул ветер, с каждой секундой становясь все крепче и холодней.

– Вот и подходит час нашего расставания, – Амелиска снова улыбалась, глаза ее искрились, как два изумруда. Сверкали вопреки приближавшейся непогоде, вопреки смуте, вдруг овладевшей Валькиной душой... Или то блеснули слезы? Девушка взяла Дьяченко за руки и нежно пожала их. – Прощай, мой милый друг! Мой новый друг.

– погоди, ведь ты не рассказала ни о себе, ни о своем народе! – вновь взволнованно заговорил Дьяченко, сделав отчаянную попытку удержать девушку – пускай на краткий миг, пускай! – Расскажи, как вы спасаете наши души.

Амелиска, как обычно, не спешила с ответом. Устремила печальный взгляд в морскую даль, где небо налилось сумеречной, свинцовой тяжестью, а волны казались могучими каменными грядами, посланными сокрушить крошечный мирок отроков. Лишь соленые брызги, разлетающиеся по пристани, охлаждали воображение. Амелиска перевела взор на отца – тот молча поднял руку и тут же опустил.

– У нас есть еще немного времени. Я постараюсь успеть. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Девушка потянула Дьяченко к голубым коробам, подвела к одному из них близко-близко. Помня, что в нем находится студенистое и разлагающееся, Дьяченко брезгливо поморщился. Ни слова не говоря, Амелиска открыла крышку короба. Дьяченко вздрогнул от изумления. В коробе лежали алые, синие и ярко-зеленые продолговатые кристаллообразные стержни. Они были разной длины и диаметра. Временами они коротко вспыхивали необычным переливчатым огнем. А то вдруг по ним словно электрическая искра пробегала, оставляя за собой ломаный светящийся след. Как зачарованный, глядел Дьяченко. Рука его, подчиняясь внезапному порыву души, потянулась к чудо-кристаллам, замерла в нерешительности на полпути.

– Балдеж, – восторженно прошептал Дьяченко. – Потрогать можно?

– У нас мало времени, мой милый друг, – нежное личико Амелиски выражало необыкновенную решительность и собранность. – Извини, я буду говорить только по существу. То, что так поразило тебя, мы называем «эрро», а вы, люди, – дарами, которые приносите в жертву богам. К примеру, воки поклоняются Хорсу, аммиты – Дажьбогу, тамяне – Макоши. Люди жертвуют разным богам то, в чем нуждаются сами, прежде всего свою небогатую пищу: хлеб, сыр, вино, домашнюю птицу. Иногда им приходит в голову принести в жертву какую-нибудь безделицу, за которую они готовы всякого лишиться жизни.

– Да-да, золото-бриллианты, – кивнул понимающе Дьяченко. – Или чужую кровь.

– Точно. Но при этом важно даже не то, чем они жертвуют, а что они говорят – какие произносят молитвы и заклинания. И тогда случается чудо, мой милый друг. Жертва – обычная тленка, барахло, фетиш или труп молодого язычника – соединяется вдруг с искренним, страстным словом, с пылкой молитвой. Соединяются в удивительный сплав! Вот он, перед тобой. Эрро!

– Но я же видел обезглавленных кур, грязные лепешки сыра... – не понял вначале Дьяченко. Но тут до него дошло. Он вспомнил слова Братислава, невесело усмехнувшись, покачал головой.

– Понимаю. Я видел то, к чему была подготовлена моя душа. Ну хорошо, эрро так эрро, один черт. Скажи мне, а на фи́га оно?

– Одним таким эрро можно согреть землю в течение человеческого часа.

– В течение часа? Да ну! Ха-ха-ха!

– Напрасно смеешься. На растопку печей Юфилодора Виорах тратит десятки тысяч эрро в день.

– Неужели? И что же Виорах палит в тех печах? Может, он выплавляет золото?

– Нет, он сжигает в печах души. Такие же непутевые и доверчивые, как твоя, милый друг. Вмиг побелевший, как смерть, Дьяченко вытаращил на Амелиску ошалевший взгляд.

– Виорах сжигает... А что же вы?

– Мы пытаемся спасти, – горькая улыбка коснулась губ девушки. – Такое наше предназначение. Мне неведомо, кому первому из отроков пришлось в голову обменивать эрро на души людей, но другого способа мы не придумали. Раз в месяц Виорах присылает сюда своих слуг – хлопов. От их мерзкого вида воротит даже слепого, – Амелиска закрыла рукой глаза, помолчала, пытаясь справиться с волнением. Затем уже спокойно продолжала. – Сегодня как раз такой день. Хлопы появятся из Юфилодора, как обычно, на тране. Его трюмы будут забиты душами бедолаг.

– Почему бы вам не напасть на них и не разделаться одним махом? – предложил вдруг Дьяченко. Глаза его загорелись незнакомым огнем, сердце тревожно забилось в предчувствии скорой опасности.

– С кем разделаться? С хлопами? – Амелиска отрицательно покрутила головой. – Отроки – перевозчики, а не воины. А хлопы – настоящие головорезы. Что и говорить – демоны.

– Демоны?! – ужаснулся Дьяченко, будто раньше не помышлял, о ком идет речь.

– Демоны с гадким обличем крыс.

Они замолчали. В безотчетном порыве Амелиска прижалась головкой, увенчанной изящными рогами, к плечу человека. Неотрывно она смотрела на темно-лиловую воду, вспученную тысячью волн. Дьяченко попытался проследить за встревоженным взглядом девушки, но безуспешно. Всякий раз, когда он достигал взглядом ближайшей волны, в глазах его мутнело, он словно проваливался в кипящую воду, и в конце концов ему опять приходилось сосредотачивать внимание на взгляде девушки, с прежней одержимостью устремленном в ревущую пучину.

– Послушай, Амел, я бы очень хотел вам помочь.

– Амел? – девушка удивленно повела бровью – так ее не называл даже демон, тайком являвшийся во сне. Чтобы скрыть смущение, с нарочитой резкостью отрезала. – Исключено, Вал! Во-первых, ты всего лишь душа. Нашими стараниями ты обрел на короткое время плоть. Прости, Вал, но это так. Мы постарались симитировать твое прекрасное тело. Ну и... Мой отец принял твердое решение вернуть тебя в мир живых.

– Теперь я скажу: исключено! Я должен племени воков...

– Ты ничего им не должен. Твой приход к ним случаен. Забудь о воках, Вал, – мы вернем тебя в твой мир!

Атаковавший с моря ветер поначалу стих, а теперь налетел с новой силой. С ужасным грохотом раскололось небо, выпустив наружу из образовавшейся трещины золотое жало. За первой молнией жажнула вторая, третья...

– Все! – пыталась перекрыть шум ветра Амелиска – Поспешите к отцу! Сейчас здесь появятся хлопы!

– погоди! Хотя бы еще минуту! Я хочу подарить тебе свое эрро. Вот!

Дьяченко протянул девушке бронзового единорога. Амелиска быстро поднесла его к глазам:

– Что это?

– Сувенир для бога, новейший источник энергии!

- Чушь! От него нет никакого прока. Это просто кусок меди. Забери!
- Тогда есть еще один сувенир, последний!
- Милый друг, ты мешаешь мне – я уже должна быть в строю!

Но Дьяченко не слушал девушку. Стремительно наклонившись к ней, взял во вновь обретенные руки чудесную ее головку и поцеловал. Амелиска застыла. На кончиках ее ресниц трепетала соленая вечность, принесенная с моря. Совесть, украдкой улыбаясь, уступала место новому, еще незнакомому, чувству. Была ли совесть в родстве с ним? Спросите о чем-нибудь полегче! Пунцовые цветы расцвели на щеках Амелиски. Был ли это знак любви или цвет молодой, неутолимой жажды жизни?.. Амелиска сладко расплывалась, как Валькино отражение в ее влажных очах. Тем временем ветер крепчал – не для нее. Непогода – не для нее, ведь в душе ее – благодать, в широко открытых глазах зажглись две беспечных зеленых звезды, похолодевшие губы шепчут неумело, бессвязно, точно заново учатся говорить... Амелиска медленно приходила в себя.

9

Увы, не все есть любовь, не все есть рай, чем бредит молодая душа. Обняв Дьяченко, девушка еще искала лазейку из добровольного плена, еще удивлялась запаху счастья, вдруг обнаруженному за воротом его рубахи, – она еще искала себя в нем, когда... Когда метрах в двадцати от берега из черной кипящей пучины вынырнуло чудовище – с тупой рубленой мордой, по всему виду механическое, оттого не знающее ни жалости, ни меры.

– Тран! – загалдели кругом отроки.

– Тран! Всем занять свои места! – загремели голоса оленеголовых командиров, не оставив панике ни единого шанса овладеть кротким племенем.

«Тран!» – тут же подтянулась Амелиска – теперь ее душа пела походный марш.

Расстояние между судном хлопов и берегом стремительно сокращалось. Очертание трана становилось все четче, все угрожающей. Спереди необычный транспорт хлопов был похож на кита или допотопную подводную лодку, как сыпью, усыпанную красными заклепками. Задрав на мгновение морду, тран полез на пристань. Показались восемь громадных колес – сначала лопата воду, затем круша хлипкие опоры и доски. Следом тяжелое низкое днище с ужасным грохотом утюжило остатки пристани.

Амелиска, подняв над головой короткий меч, вскоре примкнула к одному из отрядов отважных соплеменников. Девушка навсегда забыла о милом друге. А отроки, сплотив свои ряды, озабоченными, настороженными взглядами встречали посланников дьявола.

Дьяченко увидел, как Братислав, находившийся слева от пристани, позвал его жестом. Но вместо того чтобы последовать его зову, Валька устремился в самую гущу оленеподобных воинов. Он еще надеялся нагнать Амелиску.

Тем временем тран, провалив под собой громадный участок настила, наконец замер посреди пристани. Ужасное железное чудовище было вымазано в красно-бурый грунт, за ним волочились пучки рыжих и лиловых водорослей. Наверху с угрожающим скрежетом откинулись люки – их оглушительный лязг острой болью полоснул по Валькиному сердцу. Он вздрогнул: ему почудилось, что на тракторные колеса необычного подводного судна намотаны человеческие волосы и кишки. Бр-р! Зажмурившись, Дьяченко помотал головой, пытаясь поскорей отделаться от чудовищного наваждения. Бр-р! Открыв глаза, вздохнул облегченно: слава Богу, никакие то не внутренности и не волосы, а необыкновенной длины трава, которой сплошь был увешан тран.

Отроки разделились на три примерно равночисленных отряда. Первый неровным полукольцом обступил стального кита. Второй, построившись в каре, охранял короба с жертвоприношениями людей. Третий отряд затаился в бесхитростном и, по всей видимости, ненадежном оборонительном сооружении с низкими глиняными стенами и единственной башней, сложенной из морских камней. С всевозрастающим напряжением отроки ожидали хлопов. Наконец демоны появились.

Они выскакивали из распахнутых люков, точно ужаленные. Обличьем своим они напоминали громадных хищных крыс – по крайней мере крысиными были их головы, хвосты и задние лапы. Одеты звероподобные хлопы были в великолепные белые плащи, подбитые пурпурными лентами.

Приземляясь на сильные лапы, демоны лихо стучали по пристани, словно палачи хлыстом, тяжелыми хвостами. Несколько отроков, взыв, мигот отпрянули – бедолаги угодили случайно под слепую раздачу. Хлопы, видя, как корчатся от боли оленеголовые, прыснули со смеху, вереща противными писклявыми голосами. Ну вылитые крысы!

Тут же из рядов отроков выступило с полсотни хорошо вооруженных воинов, выставив перед собой лес копий и длинных и относительно широких, диаметром с руку, трубок. Дружиной оленеголовых бойцов командовал Братислав.

Хлопы, встретив первое сопротивление, недовольно загудели, ошетинились частоколом мечей и увесистых палиц. Они принялись задирать отроков, скаля зубы, выкрикивая непонятные резковатые фразы, продолжая стучать хвостами по мокрому настилу, осыпая противника тучей грязных брызг. Отроки не остались в долгу: отругивались по-своему, даже пару раз пальнули в воздух из диловинных мушкетов. Атмосфера накалилась до предела: казалось, еще миг – и начнется жестокая рубка.

Дьяченко остановился шагах в тридцати от пристани, не решаясь подойти ближе. Вот странное дело: по словам Амелиски, он был бесплотным созданием, душой, но... но умирать в очередной раз ой как не хотелось! Свежи еще были воспоминания о предыдущей смерти. И кто ему скажет, случись что с ним снова, куда теперь приведет его новая цепочка превращений? Вот уж поистине пути души неисповедимы.

Дьяченко старался не упускать из виду Братислава. Благо рост ментора делал его заметным издалека. Валька увидел, как голова предводителя отроков быстро заскользила над рогами его соплеменников, устремившись в сторону неприятельских рядов. Братислав крикнул что-то властным голосом, от толпы бранящихся хлопов отделился громила со свирепой наружностью, рыкнул в ответ. Голова у демона была громадной, больше смахивая на голову дикого кабана, чем на крысиную. Вожак хлопов оглянулся было на своих бойцов, будто искал у них поддержки... как вдруг сделал коварный выпад в сторону Братислава – с плеча рубанул мечом. Но ментор ловко парировал, и вот уже его копье замерло в опасной близости от горла свирепого хлопа.

Противостояние, казалось, стало еще невыносимей, перевалив за новую точку терпения. Казалось, еще один случайный или сознательный жест, выпад, окрик – и столбик взаимной ярости и гнева поднимется на новую отметку. Хотя куда уж выше?

Враждующие стороны застыли друг против друга, прислушиваясь, кого из них первыми позовет смерть. Очень тихо стало. Даже хвосты хлопов уgomонились, скрючились мертвыми гадюками. Зато снова стали слышны свист ветра и хлесткие удары волн о берег. Тишина была похожа на созревший нарыв – вот только кто возьмет на себя смелость проколоть его?

Не отводя взгляда от соперника, Братислав резко опустил копье. Повернувшись спиной, шагнул к ближайшему голубому коробу. Громадный демон дернулся было за ним, но пронзительный крик остановил его – уж больно неожиданно он раздался. Кричала женщина. Бросившись наперерез вожаку крысоголовых, она кинулась ему под ноги, неловко упала, громила грубым рывком вскинул над головой хрупкое тело девушки. У Дьяченко, наблюдавшего эту невероятную картину, перехватило дыхание: в спасительнице Братислава он узнал Амелиску. Дочь спасла отца! Слишком поздно – только сейчас до Вальки дошло, как же дорога она стала ему...

Вразнобой загоготало хлопское воинство. Ахнув хором, отроки зароптали, зазвенели оружием, но так и не тронулись с места, видимо, ожидая немедленных указаний от своего предводителя. А тот, ничем не выдав своих настоящих чувств, повел себя так, будто ничего из ряда вон выходящего не произошло. Будто ропот его верных подданных и гнусный смех лютых врагов – всего лишь шум поднявшейся бури. Будто девушка, оказавшаяся заложницей у ненавистных пришельцев – не дочь его кровная. Зато дочь его истинная – неизбывное чувство долга, святая обязанность спасать души людей... Никому не ведомо было, что на самом деле испытал Братислав перед тем, как повелел передать хлопам жертвоприношения людей.

– Мы приготовили вам дары, посланники Виораха. Эти дары собраны неутомимыми смертными, верующими в богов своих и спасение душ. Мы готовы признать за вами право выбора, но в свою очередь требуем от вас выполнения обязательств, обещанных нам вашим

повелителем. Эрро – достойная плата за человеческую душу. Погляди, Ксилл, какие здесь сокровища!

– Никогда ты так долго не говорил, ментор. Ты словно чего-то боишься, – насупившись, злобно заметил вожак крысоголовых. – Я вижу, тебе безразлична участь твоей дочери, – Ксилл обернулся – несчастная девушка переходила из лап в лапы, пока не оказалась прижатой к испачканному красной глиной колесу трана. При этом Амелиска вела себя, как настоящая дочь царя – ни стоном, ни шепотом, ни жестом не выдала страха, охватившего ее юную душу. А как она хотела позвать на помощь!..

– Нет, ты явно что-то скрываешь! Может, среди твоих рогатых слуг затесалась живая человеческая душонка, за которую ты не внес выкуп, а, ментор? Душонка с душком, – громила смачно рыкнул, довольный собственной шуткой, за его спиной услужливо задребезжали крысоголовые демоны. Зато у Вальки душа ушла в самые пятки: «Черт, он все знает!» Подозрение вожака хлопов застало его врасплох. Дьяченко тотчас пожалел, что не воспользовался возможностью вернуться в мир людей. Пожалел, но вдруг, к своему ужасу, не смог вспомнить тот обетованный мир, откуда пришел – как будто и не жил в нем никогда. Будто душа его шла дорогой, не имевшей начала. Неужели?.. Что-то смутное промелькнуло в его остывшей памяти, и в тот же миг рассыпалось-разлетелось, словно старая зола. Эх, а может, и в самом деле не жил никогда?..

Тем временем ментор отроков не на шутку разгневался:

– Да как ты смеешь сомневаться в моей честности, Ксилл?! Запомни: всякая душа в моем доме желанный гость! Какой бы при этом она ни была заблудшей овцой... В отличие от таких, как ты – дьявольское отродье!

– Ну-ну, поумерь свой пыл, Братислав! – зарычал здоровяк Ксилл. – Давай, показывай свои петушиные дары. А я еще погляжу, отдавать ли за них грешные душонки... Да, и не забудь, рогатый ментор, что твоя дочь в моих руках! А тебе ли напоминать, как мои воины охочи до рогатеньких самочек. А-ха-ха-ха!

Братислав молча стерпел оскорбление. В первый момент показалось, что он глубоко подавлен злым намеком Ксилла. Братислав понурил голову, словно раздумывая, что бы ответить демону... Но вдруг, вскинув рога, яростно крутанул головой, спеша избавиться от уныния и слабости духа – его благородные олени рога с шумом врезались в густой от брызг воздух. Ш-ш-ш-шахх! Ментор вонзил взгляд в первого, кто попался ему на глаза. По роковой случайности или по велению его сердца весь гнев и ненависть Братислава обрушились на Дьяченко. Не отводя взгляда, тот принял удар. Вдохнул лишь: «Поделом мне. Такую девчонку подставил...»

По приказу Ксилла хлопы принялись осматривать коробки с жертвоприношениями. Слуги Виораха вели себя бесцеремонно. Хищно копошились, точно корабельные крысы, переругивались противными писклявыми голосами, совали грязно-серые усатые морды в то, что люди с любовью и верой собрали богам своим. Придирчиво перебирая прекрасные эрро, небрежно швыряя их под ноги, пиная, роняя в морскую бездну, хлопы непрерывно задирали кротких отроков – оскорбляли не до конца понятными Дьяченко выкриками, жестами, шелкали мечами по оленьим рогам. Слуги Виораха чувствовали себя хозяевами положения.

Глядя, как племя отроков стойко сносит унижения хлопских крыс – так Дьяченко в душе прозвал омерзительных посланников дьявола, – он вдруг почувствовал приближение чего-то очень важного, неизбежного для терпеливых спасателей душ и для него самого. Это довольно странное, тревожное ощущение, пока еще не осознанное и неизъяснимое, нашептано было рассудку одним лишь внезапным предчувствием: «Вот явится скоро новая беда, и новый дар обретешь ты со страданием чудным». А потом пришло к Дьяченко совсем уж необъяснимое: «Все, что видел ты и ощущал до сих пор, подобно прелюдии, присказке, разговору вокруг да около. Но совсем скоро все станет на свои места, обретет долгожданную ясность и смысл, и события понесутся, не оставляя времени на раздумья».

Внимая с открытым ртом и испуганными глазами собственным ощущениям, Дьяченко пропустил момент, когда из люков в тране возникли новые невиданные создания, больше похожие на тени, чем на порождение живой природы. Жемчужно-серые, как пепел, они казались совершенно бесплотными. Они держались друг за дружку с какой-то отчаянной цепкостью. Двигались по пристани неровной дрожащей вереницей. Ветер нещадно трепал их, как веревку с бельем: тех, кто возглавлял и замыкал шествие, то и дело отрывал от земли, силясь унести с собой в штормящее море.

Волнуясь, отроки взялись пересчитывать пепельных, отводить их в сторону, в безопасное место – подальше от крысоголовых и их ужасного судна. Дьяченко оказался рядом. Ему удалось как следует разглядеть вновь прибывших. Поначалу Вальке показалось, что у пепельных незнакомцев нет лица – лишь серые овалы, гладкие и чистые, точно вечность расчистила их для нового живого письма... Затем, всмотревшись, Дьяченко обнаружил-таки едва уловимые очертания бровей, глаз, губ, едва намеченный рисунок носа. Не лики, а древние письмена или графические заклинания, истертые временем и забвением!.. Вид душ поразил Дьяченко, заставил глубоко переживать – он никак не хотел смириться, что и ему суждено воплотиться в пепел. Да он и был бы пеплом – душой-сырцом или душой-отголоском, кабы не воля Братислава и его славной Амелиски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.